

Исследовательская статья

УДК 316.47

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-6

Фарахутдинов Ш. Ф.
Клюева В. П.

Этнонациональные установки студенческой молодёжи
в Тюменском регионе

Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр»
Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Малыгина, д. 86, Тюмень, 625003, Россия
fshamil@mail.ru
vormpk@gmail.com

Аннотация. Проблематика, затронутая в статье, не теряет своей актуальности в силу большой этнической гетерогенности российского общества, обусловленной как исторически сложившимися обстоятельствами, так и актуальными миграционными, глобализационными и другими процессами. С одной стороны, этнокультурное разнообразие является позитивным фактором развития социума, с другой – обладает высоким конфликтогенным потенциалом. Современная молодёжь, значительная часть социализации которой проходит в виртуальной среде, сегодня трудно прогнозируема. Это повышает неопределённости в социально-политической стабильности и делает изучение этнонациональных установок молодёжи важной научно-прикладной задачей. В статье рассмотрены этнонациональные установки молодёжи Тюменской области. Анализируются результаты опроса студентов, реализованного авторами осенью 2023 года. Представлены источники формирования отношения респондентов к представителям других национальностей. Показано отношение молодых людей к смене внешнеполитического вектора страны. Продемонстрирована оценка студентами ситуации в стране и регионе. Выявлено мнение молодёжи относительно влияния последствий специальной военной операции на межнациональные отношения. Определено личное отношение участников исследования к представителям других национальностей. Показана оценка студенческой молодёжи относительно конфликтогенного потенциала в месте проживания, а также мер, способных улучшить межнациональные отношения. Сделан вывод о стабильной ситуации в сфере межнациональных отношений студенческой молодёжи региона.

Ключевые слова: этничность; национальность; регион; межкультурная коммуникация; толерантность; социологическое исследование

Благодарности: Статья подготовлена по проекту «Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в новых условиях поворота на Восток» (номер госрегистрации проекта 123112100125-7) в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг.

Информация для цитирования: Фарахутдинов Ш. Ф., Клюева В. П. Этнонациональные установки студенческой молодёжи в Тюменском регионе // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 70-83. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-6

Research article

Shamil F. Farakhutdinov
Vera P. Kliueva

**Ethnonational attitudes of student youth
in the Tyumen region**

Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
86 Malygina St., Tyumen, 625003, Russia
fshamil@mail.ru
vormpk@gmail.com

Abstract. The issues raised in the article do not lose their relevance due to the great ethnic heterogeneity of Russian society, due to both historical circumstances and current migration, globalization, and other processes. On the one hand, ethnocultural diversity is a positive factor in the development of society, on the other hand, it has a high conflict potential. Modern youth, a significant part of whose socialization takes place in a virtual environment, is difficult to predict today. This increases uncertainty in socio-political stability and makes the study of ethno-national attitudes of young people an important scientific and applied task. The article examines the ethnonational attitudes of youth in the Tyumen region. The results of a student survey implemented by the authors in the fall of 2023 are analyzed. The sources of formation of respondents' attitudes towards representatives of other nationalities are presented. The attitude of young people to the change in the country's foreign policy vector is shown. The students' assessment of the situation in the country and region is demonstrated. The opinion of young people regarding the impact of the consequences of a special military operation on interethnic relations was revealed. The personal attitude of the study participants towards representatives of other nationalities was determined. The assessment of student youth regarding the conflict potential in their place of residence, as well as measures that can improve interethnic relations, is shown. A conclusion was drawn about a stable situation in the sphere of interethnic relations among student youth in the region.

Keywords: ethnicity; nationality; region; Northeast Asia; intercultural communication; tolerance; sociological research

Acknowledgment: The work was supported by the project “Asian Russia: demography, ethnic composition of the population and interethnic relations in the new conditions of turning to the East” (registration number 123112100125-7) the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023-2025.

Information for citation: Farakhutdinov, Sh. F., Kliueva, V. P. (2024), “Ethnonational attitudes of student youth in the Tyumen region”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (1), 70-83. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-6

Введение (Introduction). Исследования, посвящённые этнической тематике, в нашей стране не теряют своей актуальности. Усиление глобализации, сопровождающееся усилением миграционных процессов, а также этноконфессиональное разнообразие российского общества, создают

условия для тесного взаимодействия между представителями разных национальностей. По сравнению с другими видами групповой идентичности, этничность более стабильно удовлетворяет потребности человека в принадлежности к релевантной группе (см. по-

дробнее Гражданская, этническая и региональная идентичность..., 2013; Hraba, Tumanov, Dunham, 1997). Несмотря на снижение контрастности этнокультурных установок в современной цифровой среде, этническая идентичность остается для многих надежным и доступным социально-психологическим убежищем (Стефаненко, 2009: 4; Herrera, Kraus, 2013: 102-119). Согласимся с мнением С. В. Рыжовой, что «этничность по-прежнему остаётся влиятельным фактором российской жизни. В период кризиса государственности и девальвации советской макро-идентичности в 1990-х гг. этническая идентичность взяла на себя функции ценностного интегратора. Тенденция значимости этничности в общественной жизни россиян сохраняется и сегодня» (Рыжова, 2020: 165).

Исследования этносоциальных установок, и в т.ч. этнической идентичности постсоветской и современной российской молодежи вызывают неизменный исследовательский интерес (Hagendoorn, Drogendiyk, Tumanov, Hraba, 1998; Клименко, Горяйнов, Будаев, 2017; Этнокультурное многообразие, 2021). Хотя необходимо отметить, что большинство исследователей работает с данными одного, максимум двух регионов (Чеботарева, 2012; Остапенко, Старченко, Субботина, 2018; Сикевич, 2020; Снежкова, 2021; Ziemer, Nayak, 2014).

Являясь наиболее активной и нестабильной в социально-психологическом отношении возрастной когортой, молодёжь наиболее восприимчива как к разногласиям, связанным с этническими вопросами, так и к формированию представлений, направленных на урегулирование и стабилизацию межэтнического взаимодействия. С учётом того, что значительная часть социализации современной молодёжи проходит в виртуальной среде, формирование новых смыслов, символов, статусов и ролей, а также других атрибутов самоотождествления остаётся скрытым от внешнего наблюдателя. Это сильно затрудняет прогнози-

вание вектора формируемых этнокультурных/этносоциальных установок молодежи и повышает неопределённости в социально-политической стабильности российского социума (Сикевич, 2018). Современная ситуация находится в зоне нестабильности, начавшейся с пандемии COVID-19 и осложнившаяся внешнеполитической обстановкой. Это оказывает влияние на межнациональные отношения в различных регионах России и формирует новые представления у российского населения, в т.ч. и студенческой молодежи. С целью обеспечения гармонии и безопасности в сфере межнациональных отношений важно иметь чёткие, научно обоснованные представления об этнонациональных установках молодёжи, особенно в условиях нестабильной внутри- и внешнеполитической ситуации.

Методология и методы (Methodology and methods). Еще в 1922 г. У. Липпман предложил понятие «социального стереотипа» (Липпман, 2004), на которое часто опираются при описаниях природы этнических установок. Этнические стереотипы являются одними из самых распространённых и в силу своей социальной значимости стали предметом исследований многих дисциплин. Однако чаще всего они попадают в научный объектив этносоциологов (см. Краснопольская, Солодова, 2013) и этнопсихологов (см. например Кцоева, 1986; Бальяев, 1999; Тропникова, Матвейшина, 2021), фокусирующих внимание на представлениях людей о своей и чужой этнической группе, их восприятии, готовности к коммуникации, взаимодействию и т. д. Социологический подход при этом отличается поведенческим аспектом, который представлен не только поступками, но и восприятием действительности: взглядами, установками, ценностями. Несмотря на междисциплинарность, социологический инструментарий сегодня остаётся самым распространённым при изучении этнонациональной тематики, а опросный метод используется чаще всего. Его достоинства обусловлены широким спектром проблем, которые способно охватить анкетирование;

оперативностью при изучении больших социальных групп; доступностью, пригодностью для практического использования данных.

Статья базируется на результатах опроса, проведённого в октябре 2023 года среди студентов тюменских вузов: Тюменского государственного университета, Тюменского индустриального университета, а также Государственного аграрного университета Северного Зауралья. Всего, по целевому типу выборки опрошено 400 человек, среди которых в равной мере представлены респонденты мужского и женского пола, а также обучающиеся на технических (включая естественнонаучные) и гуманитарных (включая социально-экономические) специальностях. Опрос проводился в рамках более широкого исследования, реализуемого под научно методическим руководством Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Ниже рассмотрим основные результаты, полученные в ходе опроса.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Тюменская область – сложносоставной субъект Российской Федерации, включающий в себя три самостоятельных субъекта – Тюменская область (юг), ХМАО-Югра и ЯНАО. Три региона имеют общий орган управления (Тюменская областная дума) и действуют на основании основного закона Тюменской области – Устава Тюменской области. Губернатор Тюменской области также выбирается населением всего региона. При этом все три субъекта являются самостоятельно действующими и сами определяют политику развития своего региона.

Тюменская область, начиная с 1960-х гг., была мигрантоемким регионом. Открытие «Большой нефти» и промышленная разработка месторождений Западносибирского нефтегазового комплекса перенаправили миграционные потоки в Тюменскую область. С 1959 по 1989 гг. число жителей выросло почти в три раза – с 1092 до 3080

тыс. чел., что особенно отразилось на численности жителей автономных округов.

Материалы Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. показывают, как менялось этническое пространство. Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., в регионе проживали представители 140 национальностей и этнических групп. На изменения этнического состава населения области в 1990-е гг. влияло снижение численности славянских народов – русских, белорусов, украинцев (на 20,5 тыс. чел. в сравнение с 1989 г.); увеличения численности татарского населения (на 3,6 тыс. чел.) и роста численности представителей народов Кавказа, Закавказья (на 25 тыс. чел.) и Средней Азии (свыше 20 тыс. чел.). При этом большинство в регионе по-прежнему составляли русские, татары и украинцы. Во всей области русских насчитывалось 2336520 чел., украинцев – 211372; татар – 242325 (в т.ч. 7890 сибирских татар) (Всероссийская перепись населения 2002 года...). Перепись 2010 г. предлагает такую этническую картину. Зафиксированное количество национальностей увеличилось до 150. Но порядок их не изменился. Более всего насчитывается русских – 2352063 чел. и татар – 239995 чел, в т.ч. 6676 сибирских татар. Далее идут украинцы – 157296 чел. Еще из крупных по численности этнической групп можем указать: немцы – 20723 чел., башкиры – 43610 чел., армяне – 15542 чел., белорусы – 25648 чел., казахи – 19146 чел. (Всероссийская перепись населения 2010 г.). Последняя перепись (2020 г.) показывает следующее распределение по национальному признаку. Всего в области проживает 3823910 чел., относящих себя к 160 национальностям. Большинство остается неизменным: русские – 2339401, татар – 195231, украинцы – 70783 чел. И есть значительная группа, отказавшаяся называть национальность (257906 чел.) (Всероссийская перепись населения 2020 г.).

Для поддержания этнической самоидентификации этнические группы оформляются в национальные (этнокультурные)

организации. В регионе существуют национальные организации, заявляющие о представительстве интересов более 30 национальных групп населения. Наличие национальной организации не коррелируется с численностью этнической группы. Существуют небольшие по численности диаспоры (греки, грузины, корейцы), у которых есть свои национальные организации. И наоборот, достаточно большие этнические группы не имеют каких-либо национальных объединений. Возникновение и активная деятельность национальных организаций, во многом, связана с наличием лидеров и признанных авторитетов в национальной среде, а также с внешними факторами их существования. К внешним факторам следует отнести стереотипы окружающего населения, уровень толерантности и ксенофобии, способность органов власти различного уровня адекватно оценивать происходящие тенденции в национальной сфере (см. подробнее Ключева, 2021: 33-34).

Источники формирования этнических установок. Успешность этнической социализации молодёжи во многом определяет уровень толерантности в социуме. Маргинализация способствует этнической десоциализации, что, в свою очередь, может привести к изоляционизму и этнофанатизму. Включённость в текущую социально-политическую повестку, напротив позволяет личности формировать ценности культурного многообразия и способствует толерантности и готовности к диалогу (Дагбаева, 2015). Поэтому важно было выявить источники формирования этнических установок у тюменской молодежи. Было предположено, что основными источниками выступают как новостная повестка, так и личный опыт общения.

На вопрос о том, интересуется ли респондент политическими и социально-экономическими новостями, большинство ответили, что интересуются время от времени (67%). Тех, кто интересуется постоянно оказалось почти в два раза меньше (12,5%), чем тех, кому это не интересно (20,5%).

Распределение данного вопроса по полу показало, что девушки гораздо реже проявляют активный интерес к новостям, однако значительно чаще интересуются «время от времени».

Отношение к людям других национальностей формируется в основном, на основе личного опыта: более двух третей (69,8%) респондентов выбрали соответствующий вариант из списка предложенных. Вторым по важности агентом формирования этнических установок является семья (44,2%), третьим – система образования: школа и университет (38,7%). Влияние друзей отметили 14,1%, религии – 11,6%, а затруднились с ответом на вопрос 13,1%.

Отношение к смене внешнеполитического вектора. По мнению экспертов, возникшая в России полемика относительно разрыва с Западом и поворота на Восток, в настоящее время уточняется и приобретает более конкретные формы (Маргелов, 2022). В общественном мнении только формируется отношение к происходящим переменам и сейчас можно наблюдать динамику этого процесса.

Выражая своё мнение относительно возможного изменения вектора внешнеполитической стратегии, большинство опрошенных согласились с тем, что в политике (57,5%) и экономике (66%) страна стала больше ориентироваться Восток. Однако в сфере культуры, по мнению большинства, подобной смены не произошло (60,5%). В гендерном разрезе оказалось, что девушки реже отмечают изменения в политике (М – 67%, Ж – 48%), а парни в культуре (М – 32%, Ж – 40%). В оценках изменений в экономике существенных различий не замечено. Доля затруднившихся с ответом составила около 3%.

Относительно оценки поворота страны на Восток, о котором шла речь в предыдущем вопросе, студенты чаще всего выражали неопределённость. В совокупности ровно половина опрошенных выбрали вариант «Сложно сказать, чего больше от этого поворота – плюсов или минусов, будущее покажет» – 29% или затруднилась с

ответом (21%). При этом, если среди мужчин нейтральные варианты в совокупности отметило 43%, то среди девушек – 57%. Треть (32%) указала на положительное отношение, считая, что сотрудничество с Китаем и восточный вектор политики в целом имеет большие перспективы. Варианты ответов с негативной коннотацией встречались значительно реже. Так, отрицательную позицию, обоснованную тем, что Россия является европейской страной, и сотрудничество с Европой и Западом является более естественным, отметили 7%. Посчитали оценку поворота на Восток неважной, поскольку у России не было другого выбора, а произошедшее – это вынужденная и неизбежная мера – 8,5%.

Довольно интересные мнения высказывались теми, кто выбрал вариант «другое», и прокомментировал свой ответ. Один из респондентов, отметив своё положительное отношение, посчитал, что «Сотрудничество с Китаем действительно имеет большие перспективы, однако важно иметь в виду, что это сотрудничество взаимовыгодно. Для того, чтобы что-то получить необходимо что-то отдать. Важно отдавать без колоссальных потерь, соотносить коэффициенты условно прибыли и издержек». Несколько иную позицию высказал другой респондент: «Из-за санкций нам в данный момент очень выгодно сотрудничать с Китаем, однако со стороны Востока это отличный шанс, как минимум, завышать для нас цены, так как в некоторых частях экономики Китай может монополизировать для нас определённое сырьё. Так что, лично для меня это скептический взгляд на подобный поворот, даже вызывающий некоторые опасения».

Экстраполируя текущую социально-политическую ситуацию на Тюменскую область, большинство (35%) респондентов затруднились с ответом, а около трети (32%) оценили тенденцию положительно, подразумевая, что это приведёт к развитию региона и азиатской части России в целом. Отрицательное отношение выразила десятая

часть (9,5%), опасаящиеся, что Китай будет вывозить ресурсы, а регион заполонят мигранты. 22,5% предположили, что изменений не произойдёт, поскольку нет никакой разницы, куда продавать ресурсы – на Запад или на Восток. В целом, распределение по полу в ответах на данный вопрос идентично, однако среди девушек оказалось больше затруднившихся с ответом (М – 29%, Ж – 41%). Респонденты, выбравшие «Другое» и вписавшие свой вариант ответа, выражали скепсис относительно целесообразности разворота на Восток, а также отмечали, что всё будет зависеть от политики, проводимой государством.

Оценка межнациональной ситуации в стране и регионе. Отношение к представителям других национальностей приобретает в наше время все большую актуальность. Это связано не только с распространением конфликтов, в которых фактор этничности играет значимую роль, но в целом со своеобразным этническим «ренессансом» или «этническим парадоксом современности», проявляющимся в росте солидарности и значимости для человека его этнической принадлежности (Хухлаев, 2015).

Очередной вопрос, который традиционно присутствует в этносоциологических исследованиях, посвящённых тематике межэтнического взаимодействия, был посвящён тому, как по мнению респондента, правильно называть население нашей страны. Отвечая на него, более половины (57,5%) выбрали вариант «Россияне». Второй по популярности стал ответ «Русские» (16%), третий – «Российский народ» (9,5%). Считают, что нет общего названия 7,5% и примерно столько же затруднились с ответом (7%). Содержательную интерпретацию позиций тех, кто отмечал различные варианты, можно найти в комментариях, которые респонденты оставляли в комментариях: «Единая страна-единный народ. Любой, даже гость, приехавший в РФ, может смело назвать себя русским. Мы гостеприимные», «Если у человека есть российское гражданство, то его по праву можно называть «россиянином» или «русским».

Всех подобных людей уже «2» (российский народ (прим. авт.)), «Каждую нацию называть по ее названию», «Русских называть русскими, а остальных теми, кем они являются. Только русский может быть русским!».

Позитивные или негативные последствия многонациональной составляющей населения России было предложено оценить в следующем вопросе анкеты. В совокупности больше половины респондентов выбрали варианты с позитивной установкой: «безусловно, больше пользы» – 21%, «скорее, больше пользы» – 33%. Нейтральную позицию «не приносит ни пользы, ни вреда» отметила четверть (23,5%), а негативную, в совокупности «скорее» и «безусловно» больше вреда – менее пятой части (15% и 3% соответственно). В открытой части вопроса часто говорилось о том, что всё зависит от человека, а более содержательные ответы подчёркивали наличие как положительных, так и отрицательных моментов: *«Если это мигранты, которые находятся на территории страны незаконно, то это явный вред. Если человек с гражданством и понимает ответственность как гражданина, который обязан жить согласно текущему законодательству страны, вопросов нет»; «С одной стороны, различия менталитета сказывается на взаимоотношениях между представителями разных народов, однако перспектива изучения другой культуры, отличающейся от своей, интересна».* Также отметим, что девушки чаще парней выбирали крайние варианты и реже – нейтральный.

В оценках отношений между респондентами и представителями других национальностей, чуть больше половины указали, что они нормальные, бесконфликтные, а треть (32,5%) – доброжелательные. При этом девушки чаще парней указывали на доброжелательность (М – 29%, Ж – 36%). Напряжёнными и конфликтными такие отношения считают 6,5%, взрывоопасными, способными перейти в открытые конфликты – 3%, а затруднились с ответом 7,5%.

Тема поворота на Восток, речь о котором шла в первых вопросах анкеты, была продолжена в виде предложения оценить его влияние на межнациональные отношения в регионе. Половина опрошенных (50,5) затруднились с ответом, выражая таким образом высокую степень неопределённости по данному поводу. Четверть (25,5%) посчитала, что поворот на восток никак не повлияет на межнациональные отношения в регионе, а 18% указали на положительное влияние. Лишь 5,5% считают, что поворот на Восток окажет отрицательное влияние на межнациональное согласие. Отметим, что среди затруднившихся с ответом, оказалось заметно больше девушек, а среди указавших на отсутствие влияния – парней.

Оценивая наличие антипатий к представителям других национальностей у жителей Тюменской области в целом, большинство участников опроса затруднились с ответом (41,5%). Треть (34,5%) полагает, что многие жители нашего региона настроены против других национальностей, а пятая часть (21%) что никакой межнациональной напряженности в регионе нет. Примечательно, что девушки чаще парней указывали на наличие в регионе напряжённости. Респонденты, оставившие свой вариант ответа в открытом варианте «другое», отмечали следующее: *«Да, есть межнациональное напряжение, но оно относится к маленькому количеству людей не ко всем людям этой национальности»; «Есть те, кто испытывает и те, кто не испытывает. Тяжело сказать, кого больше»; «Только к тем, кто нарушают чужие права и свободы. Национализма явного НЕТ».*

Количественная характеристика мигрантов в общественном мнении студентов была выявлена в следующем вопросе анкеты. Доли тех, кто считает, что их «очень много» (45%) и «немного» (38,5%) различаются не сильно, особенно с учётом того, что 2% посчитали, что мигрантов в регионе почти нет. Девушки чаще отмечали наплыв мигрантов – если в женской подвыборке со-

отношение выбравших упомянутые варианты составило 50% к 32%, то среди респондентов мужского пола 40% к 45%. Затруднившихся с ответом на данный вопрос оказалось 13,5%.

Влияние мигрантов на межнациональные отношения в Тюменской области респонденты затруднились оценить однозначно. Все ответы распределились по предложенным вариантам практически равномерно. Так, считающих, что приток мигрантов способствует развитию взаимопонимания и сотрудничества между народами составила 25%; усиливает межнациональную напряжённость – 28%; не оказывает ощутимого влияния на межнациональные отношения – 21%; а затруднившихся с ответом оказалось 26%. Существенных различий в распределении ответов на соответствующий вопрос не оказалось.

Влияние СВО на межнациональные отношения. Одним из ключевых событий, оказавшим влияние на общественные отношения в нашей стране, стало проведение специальной военной операции на Украине. Для оценки влияния СВО на межнациональные отношения, в анкету был включен соответствующий вопрос. Распределение ответов на него показывает нейтрально-отрицательный вектор отношения к произошедшим переменам: самым популярным оказался ответ «ситуация несколько ухудшилась» (32%), на втором месте – «ничего не изменилось» (27%). Доли тех, кто считает, что ситуация «улучшилась» и «значительно ухудшилась» оказались примерно равными: 11,5% и 10,5% соответственно, а почти каждый пятый затруднился с ответом на данный вопрос (18,5%). Характеризуя распределения ответов на этот вопрос в гендерном разрезе, можно отметить более позитивное отношение респондентов мужского пола к оценкам. Здесь релевантно одно из высказываний, который респондент оставил в комментариях, выбрав вариант «другое»: «Русский народ вернулся к нацио-

нальному самосознанию – пришло понимание, что Россия может надеяться только на этнических русских людей».

Проблематика службы мигрантов, получивших российское гражданство в вооружённых силах РФ и их участие в СВО, стало предметом бурных общественных дискуссий в российском обществе. В нашем исследовании также предпринималась попытка выявить мнение студентов по этому поводу. Больше половины респондентов посчитали, что мигранты-граждане РФ должны служить и участвовать в военной операции («да» – 37%, «скорее да» – 24%), а ещё 21% затруднились с ответом. Отрицательные варианты ответов («скорее нет» и «нет») выбрали в совокупности лишь 13,5% опрошенных. Аргументы в открытой части вопроса тех, кто ответил утвердительно, заключались в том, что все граждане страны обязаны служить: «В армию – да, если они являются полноценным гражданами. СВО – выбор, не зависящий от гражданства». «По закону в армию призываются граждане России мужского пола. И мигранты, получившие гражданство, не являются исключением поскольку наличие гражданства также предполагает наличие обязанностей. В том числе и служба в армии по призыву со всеми вытекающими последствиями». «Конечно. Живут в нашей стране, пускай и служат). Противники службы натурализованных мигрантов в ВС РФ отмечали следующее: «А вдруг на СВО они примут свою первоначальную сторону?». «Если их родное государство не против, если не против сам мигрант, и, если это не противоречит его ценностям, религии и культуре». «Натурализованные граждане РФ абсолютно небоеспособны». «Не «должны», а «имеют право»». «Ни один человек не заслуживает погибнуть в окопе». «Против участия в СВО». Значительных гендерных различий в данном вопросе также обнаружено не было.

Личное отношение к другим национальностям. Отдельный блок анкеты был посвящён личному отношению респонден-

тов к представителям других национальностей. Результаты опроса показали, что национальность людей, окружающих современных молодых людей, как правило, остаётся на периферии внимания. Так, отвечая на соответствующий вопрос анкеты, подавляющее большинство выбирали варианты «обычно не обращаю» (40,5%) и «иногда обращаю» (45%). Вариант «всегда обращаю» оказался наименее популярным – его отметило лишь 14,5% респондентов. Значимых гендерных различий здесь мы не обнаружили.

Антипатию к представителям других национальностей, в той или иной степени испытывает чуть больше четверти опрошенных. Среди них лёгкая антипатия характерна для 12,5%, сильная – 1,5%, а возникновение этого ощущения только к определённым национальностям имеет место у 15,5%. Подавляющее же большинство (60,5%) не испытывают антипатии к людям другой национальности, проживающим в регионе, а 6% затруднились с ответом на этот вопрос. 4% респондентов, выбравшие вариант «другое» и вписавшие свои ответы, чаще всего отмечали, что антипатия направлена на отдельные личности, а не на этнос в целом: *«К представителям некоторых национальностей, которые ведут себя вызывающе, ограничивают или нарушают чужие права и свободы», «Нет плохой национальности, есть плохие люди. Где-то их больше, где-то их меньше».* Распределение по полу показало, что девушки чаще парней испытывают лёгкую и практически не испытывают сильную антипатию, что подтверждает их более умеренное и толерантное отношение.

Следующий вопрос анкеты был предназначен только для тех, респондентов, кто в предыдущем указал на наличие антипатии к другим национальностям. Участникам было предложено уточнить объект своего недружелюбия. Выяснилось, что большинство (53,8%) испытывает антипатию к приезжим, мигрантам, а каждый десятый к местным жителям другой национальности (10%). Негативное отношение и к тем, и к

другим продемонстрировали 8,8%, а затруднились с ответом 23,8%. Примечательно, что в данном вопросе девушки показали себя гораздо менее толерантными, по отношению к мигрантам чем парни (М – 40,5%; Ж – 68,4%). Парни же значительно чаще затруднялись с ответом (М – 28,6%; Ж – 18,4%)

Основными причинами антипатии, как показали ответы на следующий вопрос, являются, во-первых, неуважение к традициям и образу жизни местного населения, а также наглое и оскорбительное поведение (60,8%), во-вторых, страх перед потенциальной криминогенностью мигрантов (40,5%). С существенным отрывом, на третьем месте по популярности вариант, связанный с пренебрежением к санитарно-гигиеническим нормам (25,3%). Далее следует неприятие к мигрантам из-за иного жизненного уклада, чужого языка (21,5%), меркантильных целей прибытия в Россию (20,3%). Затруднившихся с выбором вариантов оказалось 17,7%, а ниже этого значения оказались: конкуренция с местными за рабочие места (11,4%), проблемы с детьми мигрантов в школах (10,1%).

Конфликтотенный потенциал в регионе. Несмотря на, в целом, терпимое отношение к представителям других национальностей, студенческая молодёжь допускает возможность возникновения конфликтов на национальной почве: вариант «Возможны» отметили 33%, «скорее возможны» – 31%. На тех, кто такие конфликты считает маловероятными, приходится лишь четверть респондентов («Скорее невозможны» – 19%, «Невозможны» – 5%), а затруднились с ответом 12%. Практически равные доли респондентов наблюдали такие конфликты лично (44%), и не сталкивались с ними (47,5%). Чуть менее десятой части (8,5%) отметили, что им приходилось и наблюдать и самому участвовать в конфликтах, причём парней среди них оказалось вдвое больше, чем девушек. Относительно территориальных зон (райо-

нов в городе или регионе), где межнациональная ситуация является особенно напряжённой, большинство (60,5%) затруднились с ответом. На отсутствие таких районов указали 22,5%, наличие – 17%.

Причины межнациональных проблем респондентам было предложено оценить в следующем вопросе анкеты. Самым популярным вариантом оказался «затрудняюсь ответить» – его, наряду с другими выбрали 39%. Из числа содержательных вариантов, первую тройку наиболее популярных вариантов составили: «Низкий уровень культуры приезжих» – 24%, «Большой приток мигрантов, иностранных работников» – 22,5%, «Сложные социально-экономические условия, безработица, низкий уровень жизни, по крайней мере, отдельных категорий населения» – 22%. На плохую работу правоохранительных органов указали 17%, а на исторически сложившуюся неприязнь между национальными группами – 11,5%. Остальные варианты, связанные с деятельностью националистов и экстремистов, низким уровнем культуры местного населения, неграмотной политикой федеральных и региональных властей, последствиями распада СССР, выбирали менее 10% опрошенных. Различия в оценках по полу проявились в том, что девушки чаще выбирали варианты, связанные с большим притоком мигрантов и низким уровнем культуры приезжих. Юноши чаще отмечали политические причины: последствия распада СССР, неправильные действия властей.

Среди мер, которые нужно предпринять для улучшения межнациональных отношений, самой популярной стало развитие просветительской работы и проведение межнациональных мероприятий (48%). Далее, с одинаковой по упоминаемости частотой, респонденты отметили необходимость ужесточения наказания за национализм и пропаганду соответствующих идей (33,5%), а также усиление ответственности национально-культурных организаций и землячеств за неправильное поведение их

соотечественников (34%). Четверть посчитала, что необходимо ужесточить наказание за нарушение миграционного законодательства (26%), а каждый десятый (11,5%) посчитал правильным ограничить въезд представителей некоторых национальностей в регион (среди таких национальностей упоминались народы Средней Азии и Кавказа, а также цыгане). Ещё четверть респондентов затруднились с ответом на данный вопрос, а 6% решили, что никакие меры принимать не нужно, все хорошо. Специфика ответов по полу проявилась в том, что девушки значительно чаще выбрали превентивную работу, а парни акцентировали внимание на ограничительных мерах.

Заключение (Conclusion). Обобщая результаты представленного исследования, отметим следующее. Для большей части молодёжи характерна включённость в актуальную информационную повестку, а этническая социализация осуществляется традиционными социальными институтами. Молодёжь констатируют смену государственного вектора на восток, однако касается это, в основном, экономики и в меньшей степени политики. В сфере культуры респонденты существенных изменений пока не наблюдают. В оценках перспектив этого поворота для страны и региона чаще всего студенты выражают неопределённость. Очевидно, что устойчивое общественное мнение по данному вопросу ещё не сформировалось. В оценках межнациональной ситуации в стране и регионе преобладают позитивно-нейтральные коннотации, что позволяет говорить о стабильно благополучной ситуации. В то же время респонденты полагают, что в регионе достаточно много мигрантов, при этом консенсуса по поводу того, хорошо это или плохо в ответах не наблюдается.

Влияние СВО на межнациональные отношения оценивается респондентами, скорее в негативном ключе, при этом большинство полагает, что мигранты – граждане страны, не являются исключением и

должны служить в вооружённых силах и участвовать в СВО. В целом наблюдается достаточно терпимое отношение респондентов к представителям других национальностей. Большинство опрошенных не испытывает антипатии к другим национальностям, не обращают внимание на национальности окружающих или делают это иногда. Для той небольшой доли респондентов, кто испытывает негативные эмоции, основным объектом антипатии являются мигранты. Основные причины подобных установок связаны с их поведением, которое часто ассоциируется с преступлениями.

Несмотря на относительно стабильную ситуацию, значительная часть молодёжи допускает возникновение конфликтов. Представляется, что речь здесь идёт о ситуациях, которые могут возникать локально, поскольку их основные причины респонденты видят в низком уровне культуры мигрантов, низком уровне их жизни и т. д. То есть речь, скорее о бытовых проблемах, а не общественно-политических, связанных с деятельностью националистов и экстремистов.

Таким образом, этнонациональные установки студенческой молодёжи Тюменского региона можно охарактеризовать как умеренные, а ситуацию в сфере межнациональных отношений в регионе – как стабильно устойчивую. Изменения, происходящие на протяжении последних нескольких лет в стране, ещё не успели сформировать устойчивые установки молодёжи по отношению к социально-политической ситуации. Это актуализирует особо пристальное внимание к вопросам этнонациональных отношений. Нам представляется, что дальнейшие исследования в этой области должны быть расширены на цифровое пространство, как «место обитания» современной молодёжи. В опросах важно изучать тенденции и идеи этнонационального характера, которые молодые люди воспринимают через популярные каналы и от лидеров общественного мнения.

Список литературы

Баляев С. И. Этнические стереотипы как социально-перцептивные феномены этнического самосознания эрзян и мокшан: Дис. ... к-та псих. наук. Самара, 1999. 144 с.

Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=60 (дата обращения: 19.11.2023).

Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=61 (дата обращения: 19.11.2023).

Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://72.rosstat.gov.ru/perepis_nas2020 (дата обращения: 19.11.2023).

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Дробижева Л.М. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.

Дагбаева С. Б. Этническая социализация личности: психологические эффекты и закономерности // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7, № 2. С. 121-129. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(2).121-129.

Клименко Л. В., Горяйнов С. Г., Будаев П. Е. Региональные особенности идентичности молодёжи Южного федерального округа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 71-75.

Клюева В. П. Миграционная ситуация в Тюменской области: историческая динамика и современное состояние // Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски. Омск: Издательский центр КАН, 2021. С. 33-51.

Краснопольская И. И. Солодова Г. С. Социальное конструирование этничности // Социологические исследования. 2013. № 12 (356). С. 26-34.

Кцоева (Солдатова) Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. Т. 7, № 2. С. 41-50.

Липпман У. Общественное мнение. Москва: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2004. 382 с.

Маргелов М. Смена вектора российской внешней политики или «поворот на Восток». 12 декабря 2022 г. // Сайт Российского совета по

международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/smena-vektora-rossiyskoj-vneshney-politiki-ili-povorot-na-vostok-/> (дата обращения 19.11.2023).

Остапенко Л. В., Старченко Р. А., Субботина И. А. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этно-культурные характеристики). Полевая этнотатистика. М.: ИЭА РАН, 2018. 184 с.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3(31). С. 165-181. DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7497.

Сикевич З. В. Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 277–291. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291.

Сикевич З. В., Федорова А. А. К проблеме соотношения реальной и виртуальной этничности // Социодинамика. 2018. № 8. С. 43-49. DOI: 10.25136/2409–7144.2018.8.27142.

Снежкова И. А., Шалыгина Н. В. Российская и белорусская молодежь в стереотипных оценках друг друга (результаты этносоциологического исследования 2018-2020 гг.) // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 283-296. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/283-296.

Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 2. С. 3-17.

Тропникова В. А., Матвейшина А. В. Возрастные особенности этнической толерантности и этнических стереотипов у молодежи // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2021. № 3. С. 47-56. DOI 10.24147/2410-6364.2021.3.47-56.

Хухлаев О. Е., Миназова В. М., Павлова О. С., Зыков Е. В. Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 23-40. DOI: 10.17759/sps.2015060403.

Чеботарева Е. Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22-28.

Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве / Асадуллина Г.Р., Бедрина Е.Б., Валиева И.Н. [и др.]. Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. 188 с. DOI 10.14258/e.cd.2021.

Hagendoorn, L, Drogendiyk, HJ, Tumanov, S., Hraba, J. Enter-ethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union // International Journal of Intercultural Relation. 1998. Vol. 22, № 4. P. 483-503.

Herrera Y. M., Kraus N. B. National identity and xenophobia in Russia: opportunities for regional analysis // *Russia's Regions and Comparative Subnational Politics*. London - New York: Routledge, 2013. P. 102-119.

Hraba J., Tumanov S., Dunham C. S. Prejudice in the former Soviet Union // *Ethnic and Racial Studies*. 1997. № 20. P. 613-627.

Ziemer U., Nayak A. Ethnic belonging, gender and cultural practices: Youth identities in contemporary Russia. *ibidem-Verlag*, 2013.

References

Balyaev, S. I. (1999), *Etnicheskie stereotipy kak sotsialno-pertseptivnye fenomeny etnicheskogo samosoznaniia erzian i mokshan* [Ethnic stereotypes as social-perceptual phenomena of ethnic self-awareness of the Erzyans and Mokshans], Dis. ... k-ta psikh. nauk, Samara, Russia. (In Russian)

Vserossiiskaya perepis naseleniya 2002 goda. Natsionalnyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Russian population census 2002. National composition of the population by regions of Russia] [Online], available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=60 (Accessed 19 November 2023). (In Russian)

Vserossiiskaya perepis naseleniya 2010 g. Naselenie po natsionalnosti, polu i subiektam Rossiiskoi Federatsii [All-Russian Population Census 2010. Population by nationality, gender and constituent entities of the Russian Federation] [Online], available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=61 (Accessed 19 November 2023). (In Russian)

Vserossiiskaya perepis naseleniya 2020 goda [All-Russian Population Census 2020] [Online], available at: https://72.rosstat.gov.ru/perepis_nas2020 (Accessed 19 November 2023). (In Russian)

Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost: vchera, segodnia, zavtra [Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow], (2013), in Drobizheva L.M. (ed.), ROSSPEN, Moscow, Russia. (In Russian)

Dagbaeva, S. (2015), "Ethnic socialization of personality: psychological effects and patterns", *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*, 7(2), 121-129. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(2).121-129. (In Russian)

Klimenko, L. V., Goriainov S. G., and Budaev P. E. (2017), "Regional features of the identity of youth of the Southern Federal District", *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (8-9), 71-75. (In Russian)

Klyueva, V. P. (2021), "Migration situation in the Tyumen region: historical dynamics and current state", in Smirnova T. B. *Etnodemograficheskie protsessy i migratsii v regionakh Aziatskoi Rossii: sovremennaya situatsiia, prognozy i riski*, Izdatelskii tsentr KAN, Omsk, Russia, 33-51. (In Russian)

Krasnopol'skaya, I. I. Solodova, G. S. (2013), "Social construction of ethnicity", *Sociological research*, 12 (356), 26-34. (In Russian)

Ktsoeva (Soldatova), G. U. (1986), "Experience in empirical research of ethnic stereotypes", *Psikhologicheskii zhurnal*, 7 (2), 41-50. (In Russian)

Lippman, U. (2004), *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion], In-t Fonda "Obshchestv. Mnenie", Moscow, Russia. (In Russian)

Margelov, M. (2022), "Changing the vector of Russian foreign policy or "turn to the East" [Online], available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/smena-vektora-rossiyskoy-vneshney-politiki-ili-povorot-na-vostok/> (Accessed 19 November 2023). (In Russian)

Ostapenko, L. V., Starchenko, R. A., Subbotina, I. A. (2018), *Russkaya molodezh Moskvy (sotsialno-demograficheskie i etno-kulturnye kharakteristiki). Polevaya etnostatistika* [Russian youth of Moscow (socio-demographic and ethnocultural characteristics). Field ethnostatistics], IEA RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Ryzhova, S. (2020), "Ethnic identity in the social dimension", *Sociological science and social practice*, 8 (3), 165-181. DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7497. (In Russian)

Sikevich, Z. (2020), "Correlation of national and ethnic identity of youth (on the example of St. Petersburg)", *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology*, 20 (2),

277-291. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291. (In Russian)

Sikevich, Z. and Fedorova, A. (2018) "On the problem of the relationship between real and virtual ethnicity", *Sociodynamics*, (8), 43-49. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.8.27142. (In Russian)

Snezhkova, I. and Shalygina, N. (2021), "Russian and Belarusian youth in stereotypical assessments of each other (results of an ethnosociological study 2018-2020)", *Bulletin of Anthropology*, (4), 283-296. (In Russian)

Stefanenko, T. (2009), "Ethnic identity: from ethnology to social psychology", *Bulletin of Moscow University. Episode 14. Psychology*, (2), 3-17. (In Russian)

Tropnikova, V. A., Matveishina, A. V. (2021), "Age-related features of ethnic tolerance and ethnic stereotypes among young people", *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, (3), 47-56. DOI 10.24147/2410-6364.2021.3.47-56. (In Russian)

Khukhlaev, O., Minazova, V., Pavlova, O. and Zykov, E. (2015), "Social identity and ethnonational attitudes of student youth in Chechnya", *Social psychology and society*, 6(4), 23-40. DOI: 10.17759/sps.2015060403

Chebotareva, E. (2012), "Ethnic identity of youth in a multi-ethnic environment", *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and pedagogy*, (1), 22-28. (In Russian)

Asadullina, G., Bedrina, E., Valieva, I. et al. (2021), *Etnokulturnoe mnogoobrazie i grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost molodezhi v postsovet'skom prostranstve* [Ethnocultural diversity and civil and ethnic identity of youth in the post-Soviet space], Ufa, Bashkir State University, Russia. DOI 10.14258/ecd.2021. (In Russian)

Hagendoorn, L., Drogendiyk, H. J., Tumanov, S and Hraba, J. (1998), "Enter-ethnic preferences and ethnic hierarchies in the former Soviet Union", *International Journal of Intercultural Relations*, 22 (4), 483-503.

Hraba, J., Tumanov S., Dunham C. S. (1997), "Prejudice in the former Soviet Union", *Ethnic and Racial Studies*, (20), 613-627.

Herrera, Y. M. and Kraus, N. B. (2013), National identity and xenophobia in Russia: opportunities for regional analysis, In Reisinger W. M. (Ed.), *Russia's Regions and Comparative Subnational Politics*, London and New York: Routledge, 102-119.

Ziemer, U., and Nayak, A. (2014), *Ethnic belonging, gender and cultural practices: Youth*

identities in contemporary Russia, ibidem-Verlag, Germany.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2023 г. Поступила после доработки 01 февраля 2024 г. Принята к печати 01 марта 2024 г. Received 25 December 2023. Revised 01 February 2024. Accepted 01 March 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Фарахутдинов Шамиль Фаритович, кандидат социологических наук, доцент, старший

научный сотрудник Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

Shamil F. Farakhutdinov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia.

Ключева Вера Павловна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия.

Vera P. Kliueva, Candidat of Historical Sciences, Leading Researcher, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia.